

Слова любви / рассказ

Category: Neкаýalar, Kitарсу
написано kitарсу | 23 января, 2025
Слова любви / рассказ СЛОВА ЛЮБВИ

Дорогой мой толстый петушок!

Ты мне не пишешь, я тебя совсем не вижу, и ты никак не соберешься прийти. Разве ты разлюбил меня? За что же? Чем я провинилась? Скажи мне, умоляю тебя, моя любовь! А я тебя так люблю, так люблю, так люблю! Мне хотелось бы, чтобы ты вечно был со мною и чтобы я целый день могла тебя целовать и называть тебя, сердце мое, любимый мой котик, всеми нежными именами, какие только придут в голову. Я обожаю, обожаю, обожаю тебя, мой чудный петушок!

Твоя курочка Софи.

Понедельник.

Дорогая, ты, вероятно ровно ничего не поймешь из того, что я намерен сказать тебе. Все равно. Если письмо мое случайно попадет на глаза какой-нибудь другой женщине, оно послужит ей, быть может, на пользу.

Если бы ты была глуха и нема, я, без сомнения, любил бы тебя долго-долго. Несчастье в том, что ты говоришь – вот и все. Один поэт сказал:

Ты в лучшие часы, снося смычок мой ярый,
Была лишь скрипкою, банальной и простой,
И, точно ария в пустой груди гитары.
Моя жила мечта в твоей душе пустой.

В любви, видишь ли, всегда поют мечты; но для того, чтобы мечты пели, их нельзя прерывать. А когда между двумя поцелуями говорят, то всегда прерывают пьянящую мечту, создаваемую душой, – если только не произносят слова возвышенные; но возвышенные слова не рождаются в маленьких головках хорошеньких девушек.

Ты ничего не понимаешь, не правда ли? Тем лучше. Я продолжаю. Ты, несомненно, одна из самых прелестных, одна из самых

очаровательных женщин, которых я только когда-либо встречал. Есть ли на свете глаза, в которых было бы столько грез, как в твоих, столько неведомых обещаний, столько бесконечной любви? Не думаю. Когда твой рот улыбается и пухлые губки открывают блестящие зубы, то кажется, что из этого очаровательного рта вот-вот польется невыразимая музыка, нечто неправдоподобно сладостное, нежное до рыданий.

А в эту минуту ты спокойно называешь меня: «Мой обожаемый жирный кролик». И мне кажется вдруг, что я проникаю в твою головку, вижу как движется твоя маленькая душа маленькой хорошенькой женщины, прехорошенькой женщины, но... и это, понимаешь ли, меня страшно угнетает... Я предпочел бы лучше этого не видеть.

Ты по-прежнему ничего не понимаешь, не так ли? Я на это и рассчитывал.

Помнишь ли, как ты пришла ко мне в первый раз? Ты вошла внезапно, внося с собою аромат фиалок, веявший от твоих юбок; мы молча долгим взглядом смотрели друг на друга, потом обнялись, как безумные... а потом... потом до следующего утра уже не говорили.

Но когда мы расставались, наши руки дрожали, а глаза говорили то, то... чего нельзя выразить ни на одном языке.

По крайней мере я так полагал. И, покидая меня, ты чуть слышно прошептала: «До скорого свидания!» Вот все, что ты сказала, но ты никогда не сможешь себе представить ни того, какую дымку мечты ты оставила во мне, ни того, что я предвидел и что, мне казалось, угадывал в твоей мысли.

Понимаешь ли, бедное дитя мое, для мужчин неглупых, сколько-нибудь утонченных, сколько-нибудь выдающихся, любовь – инструмент столь сложный, что малейший пустяк его расстраивает. Вы, женщины, когда любите, не замечаете смешной стороны некоторых вещей, а чудовищность или смехотворность иных выражений ускользает от вас.

Почему слово, уместное в устах маленькой брюнетки, звучит совершенно фальшиво и смешно в устах полной блондинки? Почему шаловливый жест одной не подходит другой? Почему некоторые ласки прелестны, когда они исходят от одной женщины, и только

стеснительны для нас со стороны другой? Почему? Потому что во всем, но главным образом в любви, нужна полная гармония, совершенное соответствие жестов, голоса, слов, изъявлений нежности – с внешностью той женщины, которая движется, говорит, выражает что-либо, с ее возрастом, станом, цветом ее волос, характером ее красоты.

Тридцатипятилетняя женщина, сохранившая в этом возрасте сильных и бурных страстей хоть сколько-нибудь той ласковой шаловливости, которую отмечена была любовь ее юности, и не понимающая, что она должна выражаться иначе, смотреть иначе, целовать иначе, что она должна быть Дидоной, а не Джульеттой, неминуемо отвратит от себя девять любовников из десяти, если бы даже они и не подозревали причины своего ухода.

Понимаешь ли ты? Нет? Я так и думал.

С того самого дня, как ты, словно из крана, начала выливать на меня поток твоих нежностей, для меня было все кончено, мой друг.

Случалось, поцелуй наш длился пять минут – бесконечный, страстный поцелуй, один из тех поцелуев, когда закрываешь глаза, словно боясь, чтобы он не ускользнул, спугнутый взглядом, когда хочешь сохранить его целиком в отуманившейся душе, которую он опустошает. Затем, когда наши губы отрывались друг от друга, ты говорила, звонко смеясь: «До чего вкусно, жирный мой песик!» В такую минуту я готов был тебя побить!

Ведь ты наделяла меня последовательно всеми именами животных и овощей, которые знала благодаря Домашней хозяйке, Образцовому Садовнику и Основам естественной истории для младших классов. Но все это еще ничего.

Любовные ласки, если в них вдуматься, грубы, животны и даже хуже того. Мюссе сказал:

Еще я помню их – мгновенья спазмы страстной –

Пыланье мускулов, безмолвье диких ласк.

Самозабвение, зубов свирепый ляск...

Коль не божественны те миги, то ужасны –

или смешны!.. О бедное дитя, какой гений насмешки, какой

извращенный дух мог подсказать тебе твои слова... в последнее мгновение?

Они все в моей памяти; но из любви к тебе я не повторяю их.

А кроме того, тебе, право, недоставало такта, и ты ухитрилась вставить восторженное люблю тебя при некоторых столь неподходящих обстоятельствах, что я должен был сдерживать безумное желание расхохотаться. Бывают минуты, когда слова люблю тебя настолько неуместны, что становятся почти неприличными, запомни это хорошенько.

Но ведь ты мена не понимаешь.

Многие женщины тоже не поймут меня и назовут дураком. Впрочем, это не важно. Голодные едят с жадностью, но люди с утонченным вкусом требовательны, и часто пустяк способен вызвать у них непреодолимое отвращение. В любви то же, что и в гастрономии.

Не могу понять одного: как это некоторые женщины, знающие весь непреодолимый соблазн прозрачных и узорчатых шелковых чулок, все пленительное обаяние полутонов, все волшебство драгоценных кружев, скрытых в глубине интимных одежд, всю волнующую прелесть тайной роскоши изысканного белья и всех утонченных выдумок женского изящества, – как они не понимают того непреодолимого отвращения, которое внушают нам неуместные или глупые нежности?

Грубое слово иногда делает чудеса, подстегивает тело, заставляет сердце восторгнуться. Эти слова в часы битвы допустимы. Разве слово Камброна не возвышенно? Все что вовремя, – не корбит. Но надо уметь также помолчать и в известные минуты избегать выражений в духе Поль де Кока.

И я целую тебя со всею страстью, но при условии, что ты не скажешь ни слова.

Ренэ.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 2 февраля 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

«Ты в лучшие часы, снося смычок мой ярый...» – четверостишие принадлежит поэту-парнасцу Луи Буйле.

Дидона – героиня античной мифологии, легендарная основательница Карфагена. В «Энеиде» Вергилия говорится о том, что герой поэмы Эней полюбил Дидону, но вынужден был уехать, и Дидона в отчаянии покончила с собой. Мопассан нередко упоминает о Дидоне, как об образе страстно любящей зрелой женщины.

Мюссе – французский поэт-романтик Альфред де Мюссе (1810 – 1857). Цитируемые стихи – из его драматической поэмы «Уста и чаша» (акт IV).

...слово Камбрана... – Имеется в виду французский генерал Пьер Камброн (1770 – 1842), командовавший при Ватерлоо старой наполеоновской гвардией. На предложение сдаться Камброн ответил непечатной бранью.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаýalar